Визуальная семиотика неравенства в структуре архитектурного текста

DOI 10.31483/r-74906
УДК 316.334

Федоров В.В.[a], **Федоров М.В.**[b], **Ханыгин Д.А.**[c]
ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет»,
Тверь, Российская Федерация.
[a] https://orcid.org/0000-0001-8863-6043, e-mail: vvf322@yandex.ru
[b] https://orcid.org/0000-0002-0558-7635
[c] https://orcid.org/0000-0001-5152-1293

Резюме: Статья посвящена рассмотрению архитектурной среды как форме материализации социального бытия. Подчеркивается, что архитектурный текст крупного города содержит особые предметно-пространственные включения – локусы власти. Акцентируются отношения топологической сегрегации – диспропорционального распределения структурных элементов в пространстве населенного места. Это совокупность препятствий в выборе места и одновременно – условие формирования социальной иерархии городских пространств.

Методы. В ходе работы использовались проблемно-тематический, структурно-функциональный и сравнительно-исторический методы выявления базовых представлений об архитектурных пространствах власти.

Результаты. Показано, что социальное неравенство и топологическая сегрегация возникают в теле города «естественным» образом, поскольку воплощают различные грани неравенства, свойственные социуму. Уточнена типология постоянно воспроизводимых принципов организации архитектурных объектов и пространств власти: монументальность, статичность, лаконичность, вертикальность, иерархичность, наличие центрального сооружения, традиционность, последовательность, синкретизм. Показано, что возникающие знаки неравенства, воплощенные в архитектурных и градостроительных решениях, участвуют в формировании социальной структуры, воспроизводят и трансформируют ее ценностно-смысловое содержание. Рассматриваются базовые принципы организации архитектурных объектов и пространств власти. Предлагаются модели реализации этих принципов в процессе создания новых локусов власти.

Делается вывод о том, что выдвинутая авторами гипотеза относительно того, что локусы власти являются пространственным воплощением сложных механизмов поддержания динамического равновесия социальной системы, подтверждена результатами исследования семиотики неравенства в структуре архитектурного текста.

Ключевые слова: семиотика архитектуры, локус власти, топологическая сегрегация, неравенство.

Для цитирования: Федоров В.В. Визуальная семиотика неравенства в структуре архитектурного текста / В.В. Федоров, М.В. Федоров, Д.А. Ханыгин // *Этническая культура*. – 2020. – № 2 (3). – С. 78-82. DOI:10.31483/r-74906.

Visual Semiotics of Inequality in the Structure of an Architectural Text

Viktor V. Fedorov[a], **Mikhail V. Fedorov**[b], **Dmitry A. Hanygin**[c]
FSBEI of HE “Tver State Technical University”,
Tver, Russian Federation.
[a] https://orcid.org/0000-0001-8863-6043, e-mail: vvf322@yandex.ru
[b] https://orcid.org/0000-0002-0558-7635
[c] https://orcid.org/0000-0001-5152-1293

Abstract: The article is devoted to the consideration of the architectural environment as a form of materialization of social existence. It is noted that the architectural text of a large city contains special subject and spatial inclusions – loci of power. The article focuses on the relations of topological segregation – the disproportionate distribution of structural elements in the space of a populated place. This is a set of obstacles in choosing a place, and at the same time a condition for the formation of a social hierarchy of urban spaces.

Methods. In the course of the work, the problem and thematic, structural and functional and comparative and historical methods to identify basic concepts of architectural spaces of power were applied.

Results. It is shown that social inequality and topological segregation occur in the city in a “natural” way, since it embodies various facets of inequality inherent in society. The typology of constantly reproducible principles of organization of architectural objects and spaces of power such as monumentality, static character, conciseness, verticality, hierarchy, the presence of a central structure, tradition, consistency, syncretism is clarified. It is shown that the emerging signs of inequality, embodied in architectural and urban planning decisions, participate in the formation of the social structure, reproduce and transform its value and semantic content. The basic principles of the organization of architectural objects and spaces of power are considered. Models for implementing these principles in the process of creating new loci of power are proposed.

It is concluded that the hypothesis put forward by the authors that loci of power are the spatial embodiment of complex mechanisms for maintaining the dynamic balance of the social system is confirmed by the results of research on the semiotics of inequality in the structure of the architectural text.

Keywords: semiotics of architecture, locus of power, topological segregation, inequality.

For citation: Visual Semiotics of Inequality in the Structure of an Architectural Text. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture, 2(3)*, 78-82. (In Russ.) DOI:10.31483/r-74906.

CC BY

Введение

Сложная структура городского пространства обусловлена историческими, природно-климатическими, социально-экономическими и другими факторами. Среди них наименее изученными, по нашему мнению, являются *социальное неравенство* и *топологическая сегрегация*. Поэтому главной целью настоящего исследования является осмысление основных приемов архитектурно-градостроительного оформления локусов власти, воплощающих феномен социального и материального неравенства, органически свойственный человеческому сообществу.

Устойчивое – из века в век – повторение в организации архитектурных пространств власти определенных объемно-планировочных решений позволяет выдвинуть гипотезу, что архитектурная среда представляет собой своеобразный механизм поддержания динамического равновесия социальной системы [2]. Топологическая сегрегация (как и социальное неравенство):

1) лежит в основе социальных (межличностных) конкурентных взаимодействий, кроме того;

2) создает и поддерживает градиент потенциалов и ресурсов развития социума и антропогенной среды.

Методы исследования

В ходе работы использовались проблемно-тематический, структурно-функциональный и сравнительно-исторический методы выявления базовых представлений об архитектурных пространствах власти. Сложные сочетания социально-политических, экономических и идеологических условий веками определяет формирование городской среды, предстающей в итоге как пространственная форма опредмечивания социального бытия [1–5]. Внешне неизменная (в силу того, что жизненный цикл зданий, сооружений и планировочных решений измеряется десятилетиями и столетиями), она обладает своеобразной формой динамики развития, связанной с регулярным переосмыслением ее ценностно-смыслового содержания. Невозможен прямой перенос результатов прочтения архитектурного текста на социальную и психологическую реальность, но анализ этого массива данных является важным моментом понимания действительности.

Так, традиционный подход к проблеме неравенства, материализованного в архитектурной среде, предполагает исследование отношений эксклюзии, когда выстраиваются (на основе анализа виртуальных карт доступности и мнений горожан) типологии городских пространств, являющиеся основой политики преодоления социальной дискриминации [6]. *В то же время существует тип архитектурных пространств, для которых инаковость и недоступность являются атрибутивной чертой. Речь идет об архитектурных пространствах власти – локусах властных структур различного типа и уровня* [7–9].

Основная часть

Сегодня в столицах и региональных центрах современной России все так же стремительно увеличивается доля объектов, воплощающих власть во всех ее проявлениях (власть денег, административный ресурс, культовые здания и пр.). Новые здания и сооружения, удовлетворяющие повседневные витальные, досуговые и рекреационные запросы горожан, де-факто вытесняются на периферию селитьбы. В целом это воспринимается как н*еравенство – сокращение мест, доступных для свободного пребывания или проживания*. Происходящее отчасти компенсируется масштабным строительством торгово-развлекательных объектов, посещаемость которых в последние годы очевидным образом снижается в силу реального сокращения доходов населения. Шопинг перестает быть распространенной формой досуга (как способа сглаживания социального неравенства).

Архитектурный облик новой застройки на лучших городских территориях все в большей степени отражает сложное взаимодействие (вне конкуренции) рыночных сил и административной власти (впрочем, складывается ощущение, что в современной России – это два лика одного гибридного субъекта власти!?). Эксклюзивный характер застройки, престижное расположение резиденций или жилья в ткани города является общим предметом вожделения. Но это очень ограниченный ресурс и общественное благо, система распределения которого нуждается в тщательном изучении как важная отрасль науки об обществе. *Проблема топологической сегрегации – диспропорционального распределения структурных элементов в единой системе населенного места – выступает и как совокупность препятствий в свободном выборе места, и как социальная иерархия городских пространств*, выходящая за пределы экономических или технических условий.

По мнению К. Линча, архитектурно-планировочная и социальная структура крупного города [10, с. 51–53]:

а) связаны между собой через промежуточную переменную – деятельность человека;

б) обладают различной инерционностью.

Ландшафт и городская территория представляют собой «первое необходимое окружение социального мира, тот самый неизбежный контейнер, в котором помещается социальная жизнь» [11, с. 277]. В более конкретном плане выбор феномена топологической сегрегации в качестве предмета исследования означает рассмотрение:

1) предметно-пространственного воплощения власти в городской среде;

2) взаимосвязи ценностей и смыслов архитектурно-градостроительных элементов разного статуса;

3) визуального выражения неравенства в архитектурной среде.

Распределение городского пространства всегда происходит неравнозначно, регулирование доступности конкретных мест обеспечивается в зависимости от степени их востребованности, а также с учетом социального положения, властных полномочий и символического капитала потенциальных посетителей / пользователей [1, с. 56]. Обладание властью (осуществление и проявление в символической форме) регламентирует размещение локусов власти, навязывая им возможности или ограничения. Например, только в редчайших

CC BY

случаях власть покидает центр крупного города (например, Бонн, Бразилиа, Конакри), и тому всегда есть веские причины.

Социосемиотика центра освоенной человеком территории (где исторически располагались костер, очаг, жертвенник, шатер вождя, замок правителя и т. д.) символически наделяет его значением локуса власти, именно здесь подразумевается наличие вертикальной оси, соединяющей землю, небо и подземный мир. Холмы, утесы, тотемные деревья, а позже замки, соборы, ратуши неизбежно порождали чувства почтения и преклонения, в конечном итоге – утверждали идею величия и близости власти к небесам.

Рассматривая архитектурные образы власти, исследователи выделяют систему постоянно воспроизводимых принципов организации архитектурных объектов и пространств власти [12, с. 478–494].

1. Монументальность (масса, стабильность, устойчивость, размеры, крупный масштаб по отношению к человеку – как свидетельство силы, лежащей в основе власти).

2. Статичность (непоколебимость формы – выражение мощи, мудрости и вечности власти).

3. Лаконичность (геометрическая правильность и кажущаяся простота форм, минимальное членение масс и поверхностей, скупое использование декора – выражение упорядоченности, силы и сдержанности власти).

4. Вертикальность (выраженная устремленность архитектурной массы в высоту, ее грандиозность, доминирование над окружением, его зримое подавление путем использования таких средств организации пространства, как террасы, цоколи, подиумы, пьедесталы, шпили, башни, ступени и величественные лестницы).

5. Иерархичность (демонстративное соблюдение уровневой организации здания или комплекса, выделение главного объёма, доминанты по высоте и массе, уменьшение значимости этих признаков по мере поступательного удаления от локуса власти).

6. Наличие центрального сооружения (или, напротив, «пустота», площадь как осознанное освобождение центрального места), его неповторимость как объекта поклонения.

7. Традиционность и доступность локуса власти, в максимальной мере способствующие раскрытию простой и ясной идеи власти «на все времена».

8. Последовательность (раскрытие образа власти обязательно в процессе движения субъекта восприятия, анфиладная планировочная схема, ориентированность на содержательный центр – алтарь, трон, скульптуру, саркофаг, стол президиума, трибуну для выступлений, экран и т. д.).

9. Синкретизм смежных искусств в пространственной репрезентации власти (статуи, бюсты, квадриги, малые архитектурные формы, люстры, бра, картины, мозаики, фрески, витражи, эмблемы, гербы, знамена, мундиры караула, мебель, утварь, посуда и пр.).

Постоянно возникающие при этом знаки неравенства, воплощенные в архитектурных и градостроительных решениях, участвуют в формировании социальной структуры, воспроизводят и трансформируют ее ценностно-смысловое содержание. Максимально обобщенный взгляд на ситуацию обнаруживает различные типы взаимодействия подобных знаков выражения власти (неравенства), которые:

1) преимущественно конгруэнтны (совмещаются при наложении);

2) пересекаются как нечеткие пространственные множества (имеют как самостоятельные, так и общие области значений);

3) не пересекаются, но имеют общность значений в территориально-пространственных зонах соприкосновения.

Визуальная семиотика неравенства, выраженного в архитектурных пространствах власти, оперирует социальными, архитектурными и антропологическими кодами [13, с. 244; 14]. Их создатели (инвесторы, проектировщики, собственники) действуют по-разному:

1) безоговорочно принимают существующие нормы и стереотипы, сохраняют традиции без существенных нововведений;

2) навязывают массовому сознанию новые (или хорошо забытые старые) ценности, смыслы и приемы организации предметно-пространственной среды;

3) идут по пути компромисса (когда за основу принимаются существующие апробированные коды, при этом выявляются их неиспользованные возможности, трансформируются укоренившиеся приемы и формируются архитектурно-ландшафтные пространства власти).

Общие черты тоталитарной эстетики – монументальность, грандиозность пропорций, гиперреалистичность, побуждение к движению, преобладание «особого» цвета (красного, черного, белого), прямых и однородных контуров – наиболее наглядно проявились в архитектуре локусов власти Италии (1922–1945 гг.), Германии (1933–1945 гг.) и Советского Союза сталинского периода (1929–1953 гг.). Она включала в себя классические стилистические элементы при доминировании монументальности, превосходства и высокомерия, в конечном итоге – сегрегации и неравенства.

Визуальная семиотика традиционных архитектурных пространств власти России со всей очевидностью обнаруживается и в инвариантных чертах планировки локуса власти [7]:

1) симметрия архитектурно-композиционных решений, наличие выраженной оси, доминирование квартерной «классической» формы (контура прямоугольника в чистом виде или обогащенного включением дуг окружности);

2) ансамблевая застройка, синтез архитектуры со скульптурой и монументальным искусством;

3) наличие свободных пространств для демонстраций, шествий и пр.

При этом стремление сохранить пространственный (визуально и функционально оформленный) барьер между обществом и властью, оправдываемое примитивно понимаемой преемственностью, сегодня выглядит откровенным анахронизмом. Неслучайно современное руководство Российской Федерации демонстративно не пользуется трибуной мавзолея В.И. Ленина во время парадов, предпочитая легкие временные трибуны на фоне задрапированного архитектурного символа ушедшей в лету власти.

CC BY

Обзор опыта обустройства современных локусов власти в крупных странах мира показывает, что:

1) внутри и вокруг них обязательно сформированы обширные общественные пространства, на которых могут беспрепятственно (де-факто под скрытым контролем) собираться люди;

2) они обязательно содержат широкую палитру малых архитектурных форм промежуточного масштаба (деревья, скамьи, флагштоки, часы, скульптуры и пр.);

3) площади, окружающие резиденцию власти, плавно перетекают в «прозрачное» пространство атриума центрального объекта локуса власти.

В региональных центрах России интерьеры новых учреждений власти в основных чертах наследуют многовековые традиции московского Кремля (лепнина, позолота, флаги, гербы, деревянные панели на стенах, богатые люстры, бра и т. д.). Напротив, в мировой архитектурной практике в интерьерах новых офисов власти мы ожидаемо обнаруживаем:

1) отсутствие видимой охраны (конечно, она обязательно, но незаметно присутствует и отличается более высокой эффективностью, поскольку функционирует на ином технологическом уровне);

2) многоуровневые атриумы, залитые естественным светом, льющимся с небосвода на протяжении всего светового дня;

3) разнообразные возможности визуального контакта с городом, окружающей средой (много стекла в ограждающих конструкциях и даже перекрытиях); в итоге помещения в некоторых частях зданий выполняют уже скорее публичную, чем офисную функцию;

4) массу архитектурных форм и деталей, историческое и символическое содержание которых воспринимается субъектом на подсознательном уровне.

Заключение

Таким образом, результаты исследования семиотики неравенства в структуре архитектурного текста подтверждают гипотезу, что локусы власти являются пространственным воплощением сложных механизмов поддержания динамического равновесия социальной системы. Оценивая различные аспекты результатов исследования, можно сделать определенные выводы.

1. В силу неустранимости влияния архетипов, связанных с феноменом власти, следует полагать, что в обозримом будущем создатели новых локусов власти будет стремиться сохранить их центральное (во всех смыслах) положение в ткани городской застройки.

2. Необходимость следования рассмотренным принципам организации архитектурных объектов и пространств власти диктует, с одной стороны, обеспечение монументальности, лаконичности, статичности, с другой стороны – новое (актуализированное) прочтение вертикальности, иерархичности, последовательности, синкретичности.

3. Тысячелетиями создатели локусов власти очень вольно трактовали принципы наличия центрального сооружения, а также традиционности и доступности (как воплощение «веры человека в гуманистические ценности», а также «его естественной потребности в чувстве собственного достоинства» [14]). В современном мире открываются практически неограниченные возможности реализации этих принципов на основе новых технологий.

Визуальная семиотика неравенства наиболее очевидным образом проявляется в организации локусов власти. Ее характерные черты подвижны, актуализируются по ситуации в самых различных сочетаниях, иногда порождая совершенно непредсказуемый результат – симфонию или какофонию образов и смыслов.

Список литературы

1. Бурдьё П. Социология социального пространства. – М.; СПб.: Изд-во Институт экспериментальной социологии; Алетейя, 2007. – 288 с.

2. Левиков А.В. Взаимообусловленность динамики социального бытия и архитектурной сред: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 2017. – 24 с.

3. Федоров В.В. Архитектурный текст: очерки по восприятию и пониманию городской среды. – М.: Ленанд, 2016. – 160 с.

4. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. – 2002. – №3 (34). – С. 23–34.

5. Савчук В.В. Топологическая рефлексия. – М.: Канон+, 2012. – 384 с.

6. Наберушкина Э.К. Картографирование доступности городской среды / Э.К. Наберушкина, Н.В. Сорокина // Журнал исследований социальной политики. – 2016. – Т. 10, №1. – С. 27–42.

7. Федоров В.В. Городские пространства власти / В.В. Федоров, М.В. Федоров // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. – 2018. – №3. – С. 170–178.

8. Локус власти. Архитектура правительственных учреждений экстерриториальных зон Китая (Порт-Артур, Дальний, Циндао, Тяньцзинь, 1860–1930 гг.) // Новые идеи нового века. – 2014. – №1. – С. 246–254 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pnu.edu.ru/nionc/pub/articles/246/ (дата обращения: 04.03.2020).

9. Обирин А.И. Неравенство в пространстве города: пространственная сегрегация // Вестник ТОГУ. Социология и философия. – 2011. – №1 (20). – С. 223–230.

10. Линч К. Совершенная форма в градостроительстве. – М.: Стройиздат, 1980. – 324 с.

11. Штомпка П. Социология социальных изменений. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 464 с.

12. Коськов М.А. Архитектурные образы / М.А. Коськов, М.Е. Харитонова // Предметные формы в системе культуры. – СПб.: Изд-во ЛГУ, 2016. – С. 478–494.

13. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – СПб.: Петрополис, 1998. – 416 с.

14. Демос-версия: актуальные примеры архитектуры власти для народа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://archspeech.com/article/demos-versiya-aktual-nye-primery-arhitektury-vlasti-dlya-naroda (дата обращения: 04.03.2020).

CC BY

References

1. Bourdieu, P. (2007). Sotsiologiia sotsial'nogo prostranstva., 288. Moscow; Saint Petersburg: Institute of Experimental Sociology; Aleteiia.
2. Levikov, A. V. (2017). Vzaimoobuslovlennost' dinamiki sotsial'nogo bytiia i arkhitekturnoi sred., 24. Moscow.
3. Fedorov, V. V. (2016). Arkhitekturnyi tekst., 160. Moscow: Lenand.
4. Simmel, G. (2002). Die Großstädte und das Geistesleben. Logos, 3 (34), 23-34.
5. Savchuk, V. V. (2012). Topological reflection., 384. Kanon+.
6. Naberushkina, E. K., & Sorokina, N. V. (2016). Mapping of Urban Environment Accessibility. Journal of Socio-Political Research, T. 10, 1, 27-42.
7. Fedorov, V. V., & Fedorov, M. V. (2018). The Urban Space of Power: The Diachronic Dimension. Praxema. Journal of Visual Semiotics, 3, 170-178.
8. (2014). Lokus vlasti. Arkhitektura pravitel'stvennykh uchrezhdenii eksterritorial'nykh zon Kitaia (Port-Artur, Dal'nii, Tsindao, Tian'tszin', 1860-1930 gg.). New Ideas of New Century, 1, 246-254. Retrieved from http://pnu.edu.ru/nionc/pub/articles/246/
9. Obirin, A. I. (2011). Inequality in the City Space: Spatial Segregation. Bulletin of PNU, 1 (20), 223-230.
10. Linch, K. (1980). Sovershennaia forma v gradostroitel'stve., 324. Moscow: Stroiizdat.
11. Sztompka, P. (1996). The Sociology of Social Change., 464. Moscow: Aspekt Press.
12. Kos'kov, M. A., & Kharitonova, M. E. (2016). Arkhitekturnye obrazy. Predmetnye formy v sisteme kul'tury, 478-494. Saint Petersburg: Pushkin Leningrad State University.
13. Eko, U. (1998). Missing structure. Introduction to semiology., 416. Saint Petersburg: Petropolis.
14. Demos-versiia: aktual'nye primery arkhitektury vlasti dlia naroda. Retrieved from https://archspeech.com/article/demos-versiya-aktual-nye-primery-arhitektury-vlasti-dlya-naroda

Информация об авторах

Федоров Виктор Владимирович – д-р культурологии, профессор ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», Тверь, Российская Федерация

Федоров Михаил Викторович – канд. филос. наук, доцент ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», Тверь, Российская Федерация

Ханыгин Дмитрий Александрович – доцент ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет, Тверь, Российская Федерация

Information about the authors

Viktor V. Fedorov – doctor of cultural studies, professor of FSBEI of HE “Tver State Technical University”, Tver, Russian Federation

Mikhail V. Fedorov – candidate of philosophical sciences, associate professor of FSBEI of HE “Tver State Technical University”, Tver, Russian Federation

Dmitry A. Hanygin – associate professor of FSBEI of HE “Tver State Technical University”, Tver, Russian Federation

CC BY